

Цифровая дипломатия Нигерии: систематический обзор научной литературы (2015–2025)

Научный руководитель – Павлюченко Александра Андреевна

Дынкин Никита Константинович

Сотрудник

Институт Африки РАН, Москва, Россия

E-mail: nikitadynkin@gmail.com

Настоящая работа вдохновлена исследованием А.А. Павлюченко [1], в котором систематизированы два основных метода изучения цифровой дипломатии (ЦД) в российских международно-политических исследованиях. Между тем в африканском, и, в частности, нигерийском, академическом дискурсе подобная методологическая рефлексия отсутствует, а исследования ЦД Нигерии развиваются без единого подхода, фрагментарно и преимущественно в формате case studies. Цель данной работы – провести систематический обзор корпуса из 28 публикаций (2015–2025), посвящённых ЦД Нигерии, проследить эволюцию повестки и ответить на вопрос: произошёл ли переход Нигерии от роли объекта к роли субъекта в дискурсе о цифровой дипломатии?

Корпус анализа включает статьи из рецензируемых журналов, аналитические записки и главы монографий, отобранные по критериям: содержательный анализ ЦД или использования социальных сетей во внешней политике, прямое или опосредованное отношение к Нигерии, публикация в академическом или экспертном издании. Каждый источник проанализирован по параметрам: год, роль Нигерии (объект, субъект или контекст), тематика и используемые определения ЦД.

Анализ определений выявил отсутствие единого общепринятого определения ЦД. Можно выделить три ключевых подхода. Инструментальный подход трактует ЦД как использование цифровых инструментов для достижения дипломатических целей [2]. Имиджевый подход акцентирует роль ЦД в управлении репутацией государства через социальные сети [3]. Институционально-трансформационный подход рассматривает ЦД как процесс, в котором цифровые технологии изменяют нормы и структуры дипломатических институтов [4]. Нигерийские авторы преимущественно используют инструментальный и имиджевый подходы, что контрастирует с западной литературой, где доминирует трансформационный подход.

Хронологический анализ выявляет неравномерную, но восходящую динамику от 1 публикации в 2015 году до 11 в 2024-м. Можно выделить пять стадий. На стадии «объекта» (2015–2016) Нигерия присутствует как кризисный кейс: первая статья корпуса посвящена коммуникационному провалу правительства в контексте Бoko Харам (запрещенная в России террористическая организация) [5]. На стадии «пробуждения» (2017–2019) появляется первый нигерийский голос в глобальном дискурсе о ЦД – О. Адесина [3], а также первая работа о возможностях ЦД для внешней политики Нигерии. Стадия «прорыва» (2020–2022) отмечена тройным катализатором: пандемия COVID-19, протесты #EndSARS и создание Комиссии по делам нигерийцев в диаспоре (NIDCOM), ставшей институциональным примером ЦД на практике [6]. Однако эта стадия омрачена парадоксом: в июне 2021 года правительство заблокировало Twitter (запрещенная в России социальная сеть) ключевую платформу ЦД. На стадии «полноценного субъекта» (2023–2025) Нигерия окончательно закрепляется как центральный объект анализа: более 80% публикаций этого периода рассматривают её как самостоятельного актора ЦД.

Кризис Бoko Харам стал исходной точкой академического интереса к ЦД Нигерии. Похищение 276 школьниц из Чибока в 2014 году и хэштег #BringBackOurGirls стали первым глобальным «хэштег-кризисом» для страны. Группировка активно использовала социальные сети для пропаганды, в то время как правительство демонстрировало коммуникационный вакуум [5]. Этот кризис открыл траекторию, которую можно охарактеризовать как «триаду кризисов»: Бoko Харам (безопасность) к #EndSARS (социальный протест) и после Выборы 2023 (электоральная дезинформация). Каждый кризис расширял спектр акторов (от государства к гражданам и диаспоре), платформ от Twitter (запрещенная в России социальная сеть) к TikTok и стратегий ЦД от кризисного реагирования к имиджевому менеджменту.

Переход Нигерии от объекта к субъекту ЦД подтверждается количественно и качественно. Вместе с тем этот переход остаётся незавершённым: парадокс блокировки Twitter (запрещенная в России социальная сеть), внутренний цифровой разрыв и отсутствие формальной стратегии ЦД указывают на то, что Нигерия пока является «стихийным субъектом» цифровой дипломатии, а не стратегическим актором. В отличие от российских исследований, где, как показала Павлюченко [1], сформировалось два устойчивых метода изучения ЦД, нигерийский дискурс характеризуется методологической фрагментарностью: преобладают описательные case studies без единой аналитической рамки. Предложенная в данной работе концепция «триады кризисов» может служить отправной точкой для систематизации этого исследовательского поля.

Источники и литература

- 1) Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2024. № 4. С. 35–62.
- 2) Bjola C., Holmes M. Digital Diplomacy: Theory and Practice. London, 2015. 278 p.
- 3) Adesina O.S. Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy // Cogent Social Sciences. 2017. Vol. 3, No. 1. P. 1–13.
- 4) Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. Cham, 2019. 279 p.
- 5) Ezeorah F. The Attack of Boko Haram Sect through Media and Public Diplomacy // Journal of Social Sciences and Public Policy. 2015. Vol. 7, No. 2. P. 32–43.
- 6) Adesina O.S. The Nigerians in Diaspora Commission (NIDCOM): An Example of Digital Diplomacy in Practice // Africa Portal. URL: <https://www.africaportal.org/features/nigerians-diaspora-commission-nidcom-example-digital-diplomacy-practice/>